

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/VESVVM>
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)53

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СААДИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ЭПИСТОЛЯРИИ И.А. БУНИНА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ¹

© 2023 г. А.В. Бакунцев

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 16 января 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 11 марта 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193>

Аннотация: В статье проблема реминисценций из произведений средневекового персидского поэта Саади в нехудожественном творчестве И.А. Бунина рассматривается в источниковедческом аспекте, с применением принципа историзма и метода сравнительного анализа. Объектами рассмотрения стали письма и публицистические тексты писателя 1910–1935 гг., предметом — нашедшие в них отражение образы, сентенции, максимы Саади. Цель исследования заключается в выявлении и анализе источников реминисценций из произведений Саади, конкретно — их переводных изданий на русском и основных европейских языках. В ходе исследования установлено, что: 1) Бунин использовал в качестве источников текстов Саади не только «классические», появившиеся к концу XIX – началу XX в. переводы книг «Бустан» (1257) и «Гюлистан» (1258), но и связанную в той или иной степени с творчеством персидского поэта научную, научно-популярную и художественную литературу; 2) в эпистолярной и публицистике Бунина заимствования из произведений Саади подвергались довольно значительной творческой переработке.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Саади, «круг чтения», переводы, реминисценции, мистификации, нехудожественное творчество, публицистика, эпистолярный, источниковедение.

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

Для цитирования: Бакунцев А.В. Реминисценции из произведений Саади в публицистике и эпистолярной И.А. Бунина: источниковедческий аспект проблемы // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 3. С. 168–193.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193>

¹ Автор сердечно благодарит за оказанную помощь сотрудников Российской государственной библиотеки, Российской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, а также С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН), А.В. Протопопову (ИМЛИ РАН).

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 8, no. 3, 2023

THE REMINISCENCES FROM SAADI'S WORKS IN THE PUBLICISM AND EPISTOLARY OF IVAN BUNIN: THE SOURCE STUDIES ASPECT OF THE PROBLEM

© 2023. Anton V. Bakuntsev

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: January 16, 2023

Approved after reviewing: March 11, 2023

Date of publication: September 25, 2023

Abstract: The article examines the problem of reminiscences from the works of the medieval Persian poet Saadi in the non-fiction texts of Ivan Bunin in the source studies aspect, using the principle of historicism and the method of comparative analysis. The objects of consideration were the letters and journalistic texts of the writer relating to 1910–1935, the subject was the images, sayings, maxims of Saadi reflected in them. The purpose of the study is to identify and analyze the sources of reminiscences from Saadi's works, specifically their translated editions in Russian and the main European languages. The study found that, firstly, Bunin used as sources of Saadi's texts not only the "classical" translations of books "Bustan" (1257) and "Gulistan" (1258), which appeared by the end of the 19th – beginning of the 20th centuries, but also related to one degree or another scientific, popular science and fiction literature by the poet's creative work. Secondly, in Bunin's epistolary and journalism, borrowings from Saadi's works were subjected to quite significant creative processing.

Keywords: Ivan Bunin, Saadi, "reading circle," translations, reminiscences, mystifications, non-fiction work, journalism, epistolary, source studies.

Information about the author: Anton V. Bakuntsev, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7087-3235>

E-mail: auctor@list.ru

For citation: Bakuntsev, A.V. "The Reminiscences from Saadi's Works in the Publicism and Epistolary of Ivan Bunin: The Source Studies Aspect of the Problem." *Studia Litterarum*, vol. 8, no. 3, 2023, pp. 168–193 (In Russ.).
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2023-8-3-168-193>

Тема «И.А. Бунин и Саади» — в известном смысле одна из традиционных тем буниноведения. Исследователи (в частности, Г.Г. Исаев, К.С. Романова, Р.М. Сафиулина, П.И. Тартаковский, И.А. Таирова, Э.М. Каримириаби, Б.А. Ходжибаева, М.М. Яхьяпур и др.) уделяют ей внимание, как правило, в рамках более широкой темы — «Бунин и Восток». При этом их работы носят преимущественно литературоведческий, историко-литературный, историко-биографический характер, что вполне объяснимо. Однако у этой темы есть и другие аспекты, которые тоже требуют изучения. Одним из них является источниковедческий аспект.

О его важности можно судить хотя бы по тому печальному факту, что сегодня мы имеем примерно такое же представление, например, об источниках тех или иных осуществленных Буниным заимствований из текстов Саади, как и в начале 1970-х гг., когда в примечаниях к републикации бунинских «переводов с персидского» — стихотворений «Череп» (1907) и «Персидская мудрость» (1913) — в 1 книге 84 тома «Литературного наследства» было сказано: «Не владея языком оригинала, Бунин знал поэзию Саади только по переводам. Точно установить источники, которыми он пользовался, невозможно» [6, с. 222]. Однако теперь, при достигнутом уровне знаний о жизни и творчестве Бунина и при существующих технических возможностях поиска и выявления той или иной информации, отделаться подобной отговоркой уже не удастся. В этом смысле данная статья является попыткой ответить хотя бы на часть тех вопросов, которые нашим предшественникам полвека назад казались неразрешимыми.

Первоначально в статье предполагалось рассмотреть решительно все художественные и нехудожественные тексты Бунина, содержащие те или

иные реминисценции из произведений Саади. Однако проблема оказалась настолько обширной, что мы — в силу своего основного научного интереса, связанного с изучением бунинского нехудожественного творчества, — сочли за благо ограничиться рассмотрением только эпистолярия и публицистики писателя. Реминисценциям из литературного наследия Саади в поэзии и прозе Бунина мы намерены посвятить отдельное источниковедческое исследование. Тем не менее и в данной статье мы будем периодически обращаться к поэзии и прозе — в частности потому, что писатель в своем нехудожественном творчестве нередко прибегал к автоцитатам из собственных стихов и рассказов (соответствующие примеры см. ниже).

Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, носит вполне прагматический характер, обусловленный нуждами подготовки научного комментария к нехудожественной части Полного собрания сочинений и писем Бунина.

«Усладительнейший из писателей»

Жизнь и творчество одного из крупнейших персидских поэтов — шейха Саади² (псевд., наст. имя Муслих ад-Дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн Мушриф ибн Муслих ибн Мушриф, между 1203 и 1210–1292) занимали Бунина в течение многих лет. «Жизнь его восхищает Яна, — отмечала в «Беседах с памятью» В.Н. Муромцева-Бунина, рассказывая об их с Буниным первой совместной поездке — в Святую Землю. — Он не говорит, но я чувствую, что и ему хотелось бы совершить подобный жизненный путь» [39, с. 306]. В этой поездке писатель, по словам его жены, постоянно «читал Саади и все восхищался им» [39, с. 362]. Бунинский интерес к персидскому поэту не угасал и впоследствии. Тем не менее у буниноведов до сих пор нет четкого представления о том, когда именно писатель впервые познакомился с произведениями Саади, какие из них входили в его «круг чтения», в чьих переводах (как отмечалось ранее, персидским языком Бунин не владел и, соответственно, не мог читать Саади в подлиннике), по каким изданиям. Проблема усугубляется тем, что соответствующие свидетельства самого Бунина и его современников не отличаются высокой степенью точности, а порой и достоверности.

2 Другие варианты русской транскрипции: Са'дий [37], Садий [40], Са'ди [46].

Например, из бунинских очерков «Записи» (1932) и «Автобиографические заметки» (1935) следует, что первое знакомство их автора с творчеством Саади состоялось в 1890-х гг.: в один из своих первых приездов в Москву совсем еще юный писатель получил в подарок «на память» от некоего «горбатого старика-букиниста» книгу «Гюлистан»³ [18; 28, с. 35]. При этом Бунин не уточняет, переводом на какой язык была эта книга. К концу XIX в. существовало по меньшей мере 27 русских переводов «Гюлистана» (1258), в том числе 24 фрагментарных (в виде журнальных публикаций) и три более-менее полных (в виде отдельных изданий), а также 30 переводов на основные европейские языки⁴.

Вместе с тем вызывает удивление то, что в дошедших до нас письмах, дневниках, художественных произведениях конца XIX – начала XX в. Бунин ни разу не упоминает ни «Гюлистан», ни имя его автора (к сожалению, бунинские записные книжки и почти все дневники того времени не сохранились – возможно, в них подобные упоминания содержались). В поэзии и прозе Бунина имя Саади начинает мелькать лишь с 1907 г., в эпистолярии – с 1910 г., в публицистике – с 1914 г. В дошедших до нас записных книжках единственная запись, относящаяся к персидскому поэту: «Шейх Муслигед Дин Саади Ширази род<илс> в конце XII в. и прожил почти сто лет. Четырнадцать раз ходил дервишем в Мекку» [7, с. 485], – относится к 1944 г.

Все это наводит на мысль, что Саади вошел в бунинский «круг чтения», скорее всего, не в 1890-х, а в середине 1900-х гг., т. е. уже в пору литературной зрелости писателя⁵.

Другой пример. В подзаголовке к бунинскому стихотворению «Череп» (1907) указано: «Из “Бустана” Саади» [22]. Это позволяет сделать вывод, что автору был знаком текст поэмы Саади. Однако снова возникает вопрос: по какому переводу? Первый полный русский перевод «Бустана»

3 Другие варианты русской транскрипции: «Гулистан» (по всей видимости, сегодня он считается нормативным) [1; 41; 42; 44], «Голистан» [37, с. 439–458; 38, с. 2], «Голестан» [45, с. 319]. Мы будем транскрибировать это заглавие так, как это делал Бунин.

4 Весьма репрезентативная библиография переводов «Гюлистана», охватывающая период с 1634 по 1909 гг., представлена в 3 томе монографии выдающегося русского и советского филолога-востоковеда А.Е. Крымского «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии» [37, с. 445–458].

5 Не исключено, что о Саади Бунин узнал от А.М. Федорова, писавшего ему 26 апреля 1905 г.: «Посылаю тебе стихотвор<ение>, мотив которого взят мною отчасти у Саади Ширазского из его “Бустана” (Фруктовый сад)» [5, с. 566].

(1257) был издан лишь в 1935 г. — следовательно, Бунин читал эту поэму либо по какому-то неполному переводу на русский язык, либо по переводу на один из известных ему европейских языков — скорее всего, французский, на котором, в отличие от английского и немецкого, он мог не только читать, но и более-менее уверенно изъясняться⁶.

Теоретически с текстом «Бустана» Бунин мог познакомиться, например, по прозаическому переводу А.-Ш. Барбье де Мейнара (1880) [53]⁷, но стилистические и композиционные особенности «Череп» (последние были истолкованы комментаторами «Литературного наследства» как свидетельство бунинской ошибки [6, с. 223]) указывают на то, что представление о «Бустане» Бунин почерпнул скорее из магистерской диссертации И.Н. Холмогорова «Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы» (1865) [45], содержащей, наряду с биографическими сведениями о Саади и анализом его творчества, переводы отрывков из целого ряда его произведений, в том числе из «Бустана»⁸.

Еще один пример. В рассказе «Тень Птицы» (1907), текст которого пронизан образами и мотивами Саади (начиная с самого заглавия рассказа), Бунин обильно цитирует некий «Тезкират Саади», будто бы взятый им с собой в путешествие в Святую Землю [21]. С легкой руки писателя этот «Тезкират Саади» (иначе еще «Тезкират» Саади) упоминается и в «Жизни Бунина» В.Н. Муромцевой-Буниной, утверждавшей, среди прочего, что Бунин брал с собой эту книгу во все свои путешествия на Восток начиная с 1903 г. [39, с. 226], и в работах целого ряда исследователей.

6 Ср. с тем, что по этому поводу пишут комментаторы републикации в «Литературном наследстве» бунинских стихотворений «Череп» и «Персидская мудрость», считающихся переводами из Саади: «Вероятно, в распоряжении Бунина было одно из наиболее пространственных английских или французских изданий поэмы “Бустан” (H. Wilderforce Clarke. “The Bustan by shaikh Muslihu-D-Din Sa’adi Shirazi”, transl. for the first time into prose. L<ondon>, 1879; G.-S. Davie. The Garden of fragrance, being a complete translation of the Bostan of Sadi. L<ondon>, 1883; A.-C. Barbier de Meynard. Le Boustan ou Verger. P<aris>, 1880 <...>)» [6, с. 222].

7 А.Е. Крымский в своей монографии отзываясь об этом переводе очень высоко: «После каждой главы следуют ученые примечания, но, в общем, книга очень легко читается даже неспециалистом. Для ориенталиста прозаический труд Барбье де Мейнара много ценнее, чем немецкий стихотворный “Lustgarten” Графа» [37, с. 437].

8 Не исключено, что и А.М. Федоров при написании своего стихотворения на мотив из «Бустана» тоже пользовался текстом диссертации И.Н. Холмогорова.

Между тем ни в «Куллиайте» (Собрании сочинений), ни в одном из «Диванов» (сборников) Саади, ни в каталогах библиотек, ни в энциклопедиях, ни в востоковедческой литературе «Тезкират» — именно как произведение «усладительнейшего из писателей предшествовавших и лучшего из последующих» [21, с. 233] — не значится. Более того, в исследовательской литературе само слово «тезкират» трактуется / переводится по-разному — либо как «сборник, антология, книга», либо как «жизнеописание», причем авторы некоторых работ, по существу, отождествляют (одни напрямую, другие опосредованно) «Тезкират» и «Гюлистан».

Например, Г.Г. Исаев пишет: «Своим “наставником” в понимании исламского мира и человека во время путешествия автор [«Тени Птицы»] выбирает иранского поэта Саади <...> с его дидактико-философским сочинением “Гулистан” (“Сад роз”). В самом начале очерка рассказчик сообщает: “В пути со мной Тезкират Саади...”. Русским “антология”, “сборник”, “книга” он предпочел фарсиязычное “Тезкират” (в современном русскоязычном написании “тезкира”, “тескире”). <...> “Тезкират” Саади передает лирическому герою свой язык и свои принципы понимания бытия, космоса, природы и поэзии. В “Тени птицы” текст повествования и фрагменты из “Гулистана” образуют конструкцию, в пределах которой действует закон зеркальности, вовлекающий каждый образ, мотив в систему соотножений, в их игру» [3, с. 91, 96].

И.А. Таирова высказывает осторожное предположение, что «“Тезкират” Саади (“тезкират” — жизнеописание, которое обычно печатают перед произведением писателя), это, вероятно, был один из переводов “Гулистана”» [12, с. 20].

К.С. Романова, напротив, четко разделяет «Гюлистан» и «Тезкират» и при этом тоже называет последний «жизнеописанием» Саади Ширазского [10, с. 99].

Э.М. Каримираби, говоря — вслед за В.Н. Муромцевой-Бунинной и П.И. Тартаковским [13, с. 38], — что Бунин «в своих путешествиях по Востоку не расставался с “Тезкиратом” Саади», поясняет: «“Тезкират” — это книга о жизни и творчестве поэтов, иногда не только о стихах, но и с критическими взглядами» [4, с. 65].

Нам пришлось провести целое расследование, чтобы выяснить, что же представляет собой «Тезкират Саади» (он же «Тезкират» Саади) на са-

мом деле. Оказалось, что это, по сути, литературная мистификация, ибо в действительности никакого «Тезкирата Саади» (или «Тезкирата» Саади) не существует — ни в виде самостоятельного произведения (в том числе жизнеописания⁹), ни тем более в виде сборника или антологии. Кроме того, все изданные до 1903 г. более-менее полные русские переводы «Гюлистана» [31; 32; 41] содержат в себе не «тезкират» Саади, а лишь сопроводительные статьи переводчиков — С.И. Назарьянца, К. Ламброса, И.Н. Холмогорова — и примечания.

Тем не менее у этой мистификации есть вполне реальная подоплека: книга под названием «Тезкират-ошшоара»¹⁰ (Жизнеописание поэтов, 1487) хорошо известна филологам-востоковедам. Однако ее автором является не Саади, а историк персидской литературы Девлет-шах¹¹ ибн Ала-эд-девле Бехтишах (около 1437–1495), «по прозванию Эль-гази эс-Самарканди (“Самаркандский боец за веру”» [36]. Одна из глав «Тезкират-ошшоара» посвящена Саади. Ее единственный перевод на русский язык был обнаружен в составе магистерской диссертации И.Н. Холмогорова [45, с. 12–29], о которой говорилось выше. Судя по характеру цитат из мифического «Тезкирата Саади» в тексте «Тени Птицы», их источником (как и «подстрочником» фрагментов из «Бустана» для стихотворения «Череп») послужил именно этот научный труд¹².

Коль скоро речь зашла о мистификациях, нельзя обойти молчанием особенности бунинского весьма вольного обращения с чужими текстами (подробнее об этом см.: [2; 9, с. 60–62]). Как будет показано далее, писатель и в случае с литературным наследием Саади остался верен себе: в эпистолярной и публицистике Бунина заимствованные у персидского поэта (разумеется, по переводным изданиям) образы и афоризмы большей частью приводятся в переработанном виде.

9 Как отмечают исследователи творчества Саади (в частности С.И. Назарьянц, И.Н. Холмогоров, А.Е. Крымский, К.И. Чайкин, Р. Алиев и др.), полноценной автобиографии персидский поэт не оставил, рассыпав сведения о себе по текстам «Бустана» и «Гюлистана».

10 Варианты русской транскрипции: «тезкерэ» [33, с. 1], «Тезкирет эш-шоера» [37, с. 418], «Тезкирет-эшшоара» [36], «Тезкиратишшоара» [32, с. 340], «Тескерет-Уш-Шоара» [41, с. VI].

11 Варианты русской транскрипции: Даулетшах [33, с. 1], Довлет-шах [37, с. 416], Доулет-шах [32, с. 340; 45, с. 12], Довлет-Шах [41, с. VI].

12 Связь диссертации И.Н. Холмогорова с бунинскими произведениями «Череп» и «Тень Птицы» подробнее будет рассмотрена в нашей статье о «следе» Саади» (выражение Р.М. Сафиулиной [11, с. 165]) в поэзии и прозе писателя.

Таким образом, свою главную задачу мы видим не только в том, чтобы, применяя принцип историзма и метод сравнительного анализа, по возможности точно установить источники реминисценций из произведений Саади в нехудожественных текстах Бунина, но и в том, чтобы выяснить, в какой мере бунинские интерпретации эквивалентны оригиналам.

«Орехи на покато́й кровле»

Как отмечалось выше, в нехудожественном творчестве Бунина реминисценции (в том числе прямые, скрытые или трансформированные цитаты) из произведений Саади обнаруживаются с 1910 г.

Например, в бунинских письмах к П.А. Нилусу от 3 августа и 6 сентября 1910 г. содержатся цитаты из «Гюлистана». Их изучение и сопоставление с соответствующими местами в русских и некоторых иноязычных изданиях «Гюлистана» навело на мысль, что Бунин делал выписки по меньшей мере из двух источников — русского и иностранного.

По жертвуем в интересах композиции (а заодно и концепции) хронологическим принципом изложения и начнем с цитат в бунинском письме от 6 сентября 1910 г.: их наиболее вероятным источником представляется перевод, выполненный И.Н. Холмогоровым (1882). А.Е. Крымский, ученик И.Н. Холмогорова, характеризует работу своего учителя следующим образом: «Можно иногда не соглашаться с переводом Холмогорова; можно пожалеть, что старик-ученый успел отстать от науки и не использовал <переводы> ни Дефремери (1858)¹³, ни более поздних западных ориенталистов; но в общем перевод Голистана, сделанный Холмогоровым, удовлетворяет потребности русской читающей публики и даже ориенталистов <...>» [37, с. 458].

В приведенной ниже таблице выдержки из «Гюлистана» в бунинском письме к П.А. Нилусу [25, с. 150] сопоставляются с эквивалентами в переводе И.Н. Холмогорова [32, с. 26–38]:

13 А.Е. Крымский считал перевод «Гюлистана», выполненный Ш. Дефремери [52], «одним из лучших» [37, с. 452]. См. о нем далее.

Бунин, письмо к П.А. Нилусу (6 сентября 1910 г.)	Саади, «Гюлистан» (перевод И.Н. Холмогорова, 1882)
«Не следует, — говорит Саади, — чтобы достойные люди умирали, а невежды занимали их место».	«Не следует», сказал он [царевич], «чтобы достойные люди умирали, а невежды занимали их место» (гл. 1, рассказ 3, с. 26).
«Предаваться отчаянию — все равно, что бросать орехи на покатую кровлю».	«Воспитывать не-человека, все равно, что бросать орехи на покатую кровлю» (гл. 1, рассказ 4, с. 29).
«Кто может выковать хороший ятаган, не трудясь, из холодного железа?»	«Кто может выковать хорошую саблю из дурного железа?» (гл. 1, рассказ 4, с. 32).
«Если глаза летучей мыши ничего не видят днем, — чем же виновато око солнца?»	«<...> если глаза летучей мыши не видят ничего днем, чем же виновато здесь око солнца?» (гл. 1, рассказ 5, с. 34).
«Для гурий чистилище кажется адом, а спросили жителей рая [должно быть, это описка Бунина]: для них и чистилище — рай».	«Для райских гурий чистилище уже кажется адом, спроси же обитателей ада, и они скажут, что чистилище для них представляется раем» (гл. 1, рассказ 7, с. 38).

Разночтения между сопоставляемыми текстами обусловлены, во-первых, спецификой бунинского цитирования (о ней говорилось выше), во-вторых, теми «назидательно-увещательными» целями, которые преследовал Бунин, отвечая на письмо П.А. Нилуса от 29 августа 1910 г., где, в частности, сообщалось: «Кончается лето — итоги скудные. Довел я свой роман до 120–130 страниц печатных. <...> Надеюсь закончить до декабря. <...> Потом вчерне написана новая драма. <...> Послал я в несколько мест пьесу: Корш вернул, другие молчат — примета неутешительная» [25, с. 549–550]. Уловив в этом послании нотки пессимизма, Бунин попытался взбодрить и «наставить на путь истинный» своего друга-художника: «ты, кажется, вял и грустен. Не потому ли, что жил гнусно? Ой, друг, паки и паки твержу: пора подтянуться! Пьянство, обжорство, безделье не выход из печалей жизни» [25, с. 150].

Очевидно, выписки из «Гюлистана», по замыслу Бунина, должны были эмоционально подкрепить эту сентенцию. Все они выхвачены из соответствующих контекстов, в три из пяти внесены более или менее значи-

тельные изменения, вызванные желанием писателя привязать смысл цитат из Саади к конкретной, самим Бунинным смоделированной коммуникативной ситуации.

«Сокровище и змей»

Предположительно с той же — наставительной — целью Бунин включил выдержку из «Гюлистана» и в свое более раннее, от 3 августа 1910 г., полужутливое, небольшое по объему письмо к П.А. Нилусу, которое почти целиком состоит из цитат — высказываний Ф. Ницше, В. Гюго и Саади; только заключительная фраза принадлежит самому Бунину. Благодаря именно этому письму — вернее, содержащейся в нем реминисценции из 7 главы «Гюлистана» — у нас возникло впечатление, что, помимо перевода И.Н. Холмогорова, у Бунина было еще какое-то другое издание книги Саади.

Реминисценция выглядит следующим образом: «У всякого сокровища (клада) лежит змей» («Гюлистан» Саади)» [25, с. 147]. В переводе И.Н. Холмогорова ее эквивалент имеет существенно иной вид: «ведай, что <...> сокровище сторожит дракон» [32, с. 287].

Вполне возможно, что в данном случае перед нами снова результат бунинской творческой переработки исходного материала. Тем не менее мы сочли необходимым привлечь к рассмотрению несколько других переводов «Гюлистана», появившихся к концу XIX в., — в частности два русских (С.И. Назарьянца и К. Ламброста), шесть английских (Ф. Глэдвина (2), Э. Иствика, Дж. Платса, Р. Бёртона, Дж. Росса), два французских (Н. Семеле и Ш. Дефремери) и два немецких (А. Олеария и К.-Х. Графа). В итоге получилась следующая картина:

У С.И. Назарьянца (1857): «знай: <...> возле сокровища — змея» [41, с. 146].

У К. Ламброста (1862): «Знай, что <...> над кладом находится змея» [31, с. 234].

У Ф. Глэдвина (1806, 1865): “the treasure and the dragon <...> are linked together” (сокровище и дракон связаны друг с другом) [58, p. 283]; “I would have thee to know that <...> hidden treasure has its dragon” (Я хотел бы, чтобы ты знал, что у спрятанного сокровища есть свой дракон) [50, p. 333].

У Э. Иствика (1852): “know that <...> over a treasure is coiled a serpent” (знай, что над сокровищем свернулась змея) [61, p. 259].

У Дж. Платтса (1876): “know that <...> over a treasure there is a snake” (знай, что над сокровищем есть змея) [60, p. 290].

У Р. Бёртона (1888): “Treasure, serpent <...> are all linked together” (Сокровище, змей — все связано друг с другом) [59, p. 219].

У Дж. Росса (1890): “Be it known to you, <...> that <...> hidden treasure has its guardian dragon” (Да будет тебе известно, что спрятанное сокровище стережет дракон) [56, p. 268].

У Н. Семеле (1834): “sache que <...> sur la couvercle du trésor est le serpent” (знай, что поверх (букв. на крышке) сокровища находится змея) [51, p. 345].

У Ш. Дефремери (1858): “sache <...> qu’auprès du trésor repose un serpent” (знай, что возле сокровища лежит (покоится) змея) [52, p. 305].

У А. Олеария (1654, 1775): “du mußt wissen: <...> wo ein Schatz liegt, da liegt auch eine Schlange” (ты должен знать: где лежит сокровище, там же лежит и змея) [57, S. 265].

У К.-Н. Графа (1846): “wisse, daß <...> zu den Schätzen sich die Schlangen legen” (знай, что на сокровищах сворачиваются змеи) [54, S. 192].

Очевидно, что цитате в бунинском письме к П.А. Нилусу в наибольшей степени лексически и композиционно соответствует вариант перевода Ш. Дефремери. Возможно, он и стал ее источником.

Вместе с тем мы не можем не отметить, что в остальных случаях бунинского обращения к тексту «Гюлистана» — например, в письме к П.А. Нилусу от 6 сентября 1910 г., в стихотворении «Персидская мудрость» (1913), в очерках «Записи» (1932) и «Автобиографические заметки» (1935) — подобные совпадения с переводом Ш. Дефремери не наблюдаются.

В то же время, коль скоро Бунин и впрямь получил «Гюлистан» в подарок от букиниста, это вполне могло быть старинное — XVII–XVIII вв. или первой половины XIX в. — издание, притом на любом из основных европейских языков. Если это так, то поиски источника реминисценции о сокровище и змее, при отсутствии четких библиографических и хронологических ориентиров, становятся бесперспективными.

В любом случае, вопрос об этом источнике (или источниках) пока остается открытым — особенно в связи с очерками «Записи» и «Автобиографические заметки», где сентенция Саади о сокровище и змее представлена в совершенно ином виде, нежели в бунинском письме от 3 августа 1910 г.

и в указанных выше изданиях «Гюлистана»: в частности, ее лексика архаизирована (скорее всего, намеренно), а змей оказывается «стоглавым»¹⁴.

Именно в этих двух очерках рассказывается о том, как на заре своей литературной деятельности Бунин впервые услышал имя Саади (правда, в «Записях» он почему-то говорит о себе в третьем лице, словно наблюдая со стороны: «Молодой человек, сидя на корточках в углу, перед грудой сваленных на полу книг, неловко роется в них <...>» [18]). Реминисценция о сокровище и змее включена в прямую речь московского «горбатого старика-букиниста» с «острым взглядом»: «Читали ли вы “Гюлистан” Саади? Я вам эту книжечку подарю на память. В ней есть истинно золотые слова. Вы же должны особенно запомнить следующие: “У всякого клада лежит стерегущий оный клад стоглавый змей”. Это надо хорошенько понять. И пусть это и будет вам моим напутствием на литературном поприще» [18; 28, с. 35].

Вероятно, в данном случае Бунин либо снова творчески «пересмыслил» перевод Дж. Росса или И.Н. Холмогорова¹⁵, придав архаики его слогу и превратив дракона в едва ли не былинного «стоглавого» змея, либо комбинировал один из этих переводов с переводом Ш. Дефремери, либо использовал еще какой-то другой — возможно даже, действительно старинный — перевод «Гюлистана» или какую-нибудь антологию с афоризмами мудрецов Востока¹⁶.

14 Ни в одном из известных нам переводов «Гюлистана», включая весьма точный «критический» перевод Р. Алиева [1], о количестве голов змея речь не идет; не шла она об этом, как мы видели, и в бунинском письме к П.А. Нилусу от 3 августа 1910 г.

15 Среди рассмотренных нами переводов только у Дж. Росса и И.Н. Холмогорова говорится о том, что змей-дракон именно *охранял, сторожил* сокровище / клад, а не просто лежал на нем или возле него.

16 В первой трети XX в. вышло несколько более или менее аутентичных переводов «Гюлистана», которые также могли быть известны Бунину — другой вопрос, в какой степени они могли представлять для него интерес в качестве источников реминисценций. Например, в переводе Е.Э. Бертельса (1922), отличающемся, по утверждению Р. Алиева, «исключительной точностью и правильным толкованием текста» [1, с. 38], рассматриваемая в данном разделе сентенция, будучи предельно «спрессованной», утратила свою выразительность: «Тот, кто друга ищет, от врага пусть терпит, — / Клад и змей, и шип и роза вечно вместе» [44, с. 97]. Кстати, более поздний «критический» перевод, выполненный самим Р. Алиевым (1957), в этом смысле гораздо удачнее: «где сокровище, там и змей» [42, с. 257].

«Склянка с мускусом»

2 июля 1914 г., в 10-ю годовщину со дня смерти А.П. Чехова, газета «Русское слово» поместила на своих столбцах большой мемуарный очерк Бунина «О Чехове: Из записной книжки», где между прочим были такие строки: «Всегда было много крикливых людей, теперь их особенно много. А он был из тех, о ком сказал Саади: “Тот, у кого в кармане склянка с мускусом, не кричит о том на всех перекрестках: за него говорит аромат мускуса”» [19, с. 2].

Этот же текст, с небольшими разночтениями¹⁷, в тот же день был воспроизведен в бунинском ответе на «Анкету о Чехове» в газете «Одесские новости» [15, с. 2].

В дальнейшем Бунин использовал указанный фрагмент в двух более поздних вариантах очерка о Чехове: один из них был напечатан (под заглавием «Из записной книжки») в 6 томе Полного собрания сочинений (1915)¹⁸ [26, с. 303], другой («Чехов», 1928) — в парижской газете «Последние новости» [23, с. 2].

Если сравнить бунинский вариант максимы Саади о мускусе с ее интерпретацией в любом из «классических», в том числе современных писателю переводов «Гюлистана», придется сделать вывод, что Бунин и тут весьма вольно обошелся с первоисточником. Например, И.Н. Холмогоров в 1865 г. перевел эту максиму (она присутствует в 8 главе «Гюлистана») так: «Настоящий мускус будет тот, который сам издает запах мускуса, а не тот, что расхваливается москательщиком» [45, с. 84]; а в 1882 г. так: «Истинный мускус тот, который сам по себе благоухает, а не тот, что выхваляется москательщиком» [32, с. 316].

Думается, нет необходимости приводить примеры других вариантов «классического» перевода, которые можно найти у русских и зарубежных ориенталистов: несмотря на синтаксические и лексические разночтения, все эти переводы в той или иной степени однотипны и при этом довольно существенно отличаются от бунинской версии. Впрочем, как выяснилось, бунинской она является все-таки только отчасти, и у нее есть вполне кон-

17 Перед прилагательным «крикливых» стоят слова: «не в меру открытых и»; вместо глагола «сказал» — «говорил»; в кавычках местоимение «тот» напечатано со строчной буквы, а существительное «склянка» — с буквой «т»: «стклянка». Скорее всего, в свой ответ на «Анкету о Чехове» Бунин включил фрагменты раннего варианта очерка «О Чехове: Из записной книжки».

18 В данной публикации цитата из Саади выделена курсивом.

кретный источник — небольшая книжка: Саади. Сад плодовый (СПб., 1914). Состоящая преимущественно из разрозненных фрагментов «Бустана», она включает также несколько максим из «Гюлистана» — все в переводе некоего Н. Урри.

А.Е. Крымский характеризует это издание следующим образом: «Перевод дает лишь избранные извлечения, и сделан он, безусловно, не с персидского языка, в противность утверждению заглавной страницы, а с немецкого и французского <...>. Прозой, не стихами; но цели — вполне беллетристические, ничего общего с наукою не имеющие. Так как книге предпослано нечто вроде биографии: “Смерть Саади” <...> и так как эта биография полна бессовестного, безудержно-дикого шарлатанства и невежества, то первое впечатление “перевода с персидского” Н. Урри — отталкивающее. Но чтение самых отрывков из “Бустана” примиряет с отрицательными сторонами книги. Перевод, сделанный не с подлинника и подвергшийся произвольным переделкам, конечно, не дает близкого представления об оригинале, но зато подбор отрывков произведен с бесспорным вкусом» [37, с. 439].

Ученый-востоковед ошибочно датирует «Сад плодовый» 1915 г. — в то время как в каталогах Российской государственной библиотеки и Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова книга датируется предположительно 1914 г. В данном случае правы оказались именно библиографы, а не А.Е. Крымский — их правоту подтверждает реминисценция в очерке Бунина.

Отчасти заблуждался А.Е. Крымский и в отношении оригинала, с которого был осуществлен перевод Н. Урри. Исходным текстом для «Сада плодового» послужила французская книжка: Saadi. Le Jardin des fruits (Фруктовый сад. Paris, 1913) — в переводе Ф. Туссена (на самом деле именно ему А.Е. Крымский должен был адресовать свой упрек по поводу «биографии» Саади и одновременно похвалу за «подбор отрывков»). В фондах Российской библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино хранится четвертое издание этой книжки [55].

Рассматриваемая здесь максима Саади в интерпретации Ф. Туссена выглядит следующим образом: “Si tu as dans ta poche un flacon rempli de musc, tu n’as pas besoin d’aller chanter cela partout. Le parfum du musc parle pour toi” [55, p. 215]. Н. Урри перевел очень близко к тексту: «Имея в кармане стьянку с мускусом, не кричи про то на всех перекрестках. За тебя все скажет аромат мускуса» [43, с. 101].

Как мы видим, Бунин воспользовался именно русской версией максимы. Его правка коснулась преимущественно синтаксиса, лексика осталась почти нетронутой. В целом же текст максимы стал гораздо более благозвучным, чего, несомненно, и добивался писатель.

«Погоня за пьяным верблюдом!»

Одну из своих полемических статей, печатавшихся в одесской антибольшевистской газете «Южное слово» в октябре–ноябре 1919 г. под общим заглавием «Заметки», Бунин начал словами: «“Собаки лают, значит, едем!” — говорит восточная пословица. / Однако я знаю и такие тоже восточные стихи:

Саади спросили: “Куда ты так быстро бежишь?” —
— “Погоня за пьяным верблюдом!” — ответил Саади.
“Но ты-то чего же боишься? Ведь ты не верблюд!” —
— “Э, полно, мой милый, ты вовсе не знаешь базара:
Тут стоит лишь крикнуть: ‘Саади есть пьяный верблюд!’ —
И тотчас поверят, поверив же, тотчас убьют”» [17].

В комментарии к сборнику бунинской публицистики 1918–1953 гг. эти стихи названы «вольным переводом из первой главы сб<орника> притчей Саади “Гюлистан”» [27, с. 483]. Там же в качестве «первоисточника» цитируется перевод И.Н. Холмогорова: «Но твоё положение, — возразил я, — подходит на положение той лисицы, которую видели, как она бежала, то падая, то вставая. Кто-то ей заметил: что с тобой, что ты так напугана? Я слышала, проговорила лисица, что ловят верблюда. Эх ты, глупая, сказали ей, какое твоё отношение, какое подобие верблюду? Молчи, отвечала лиса, если завистники преднамеренно выскажут, будто я верблюд и я буду поймана, кто же позаботится выручить меня, разузнав обстоятельно о моём положении. Пока противоядие будет доставлено из Ирак-араби, укушенный змеей успеет умереть» [32, с. 52]. Однако авторы комментария почему-то не указали на то, что «восточные стихи», включённые Буниным в «Заметки», представляют собой в первую очередь трансформированную автоцитату из стихотворения «Персидская мудрость». Его первая часть имеет следующий вид:

«Лисицу спросили: “Куда ты так быстро бежишь?”
— “Погоня за пьяным верблюдом!” — сказала лисица.
“Но ты-то при чем тут?” — “Э, полно, поэт! А враги?»

Попробуй кричать, называя лисицу верблюдом,
И все закричат, что лисица — верблюд, и убьют!» [20].

Как можно заметить, в «восточных стихах» 1919 г. по сравнению с первой частью «Персидской мудрости» на одну строку больше, имеются и другие композиционные, а также лексические и синтаксические различия, но главное — по какой-то причине лисица превратилась в Саади.

С учетом изложенных обстоятельств бунинские «восточные стихи» в «Заметках» следует расценивать не как «вольный перевод», а как явную мистификацию с политическим подтекстом: этой статьей писатель давал отповедь своим оппонентам из левого лагеря антибольшевистской Одессы, откровенно глумившимся над ним в печати. Персонажа притчи Бунин подменил, вероятно, для того, чтобы избежать двусмысленности: ведь одно дело — отождествлять себя с Саади и совсем другое — с лисицей.

В гораздо большей степени на роль «вольного перевода» может претендовать первая часть «Персидской мудрости». Впрочем, мы считаем, что ее (как и все остальные «переводы» Бунина из Саади) правильнее называть стихотворным *переложением* (парафразом)¹⁹ — ведь Бунин, по существу, именно *переложил* в стихи чужой, вполне самостоятельный прозаический перевод, — правда, многое в нем изменив (например, зачем-то сделав верблюда «пьяным») — и при этом, очевидно, не зная, что у Саади притча о лисе написана тоже прозой, причем даже не рифмованной²⁰.

Что же касается *первоисточника* рассматриваемой здесь реминисценции, то им, действительно, вполне мог быть перевод И.Н. Холмогорова. Вместе с тем мы не исключаем вероятности того, что таким первоисточником была книга французского филолога-ориенталиста Ж. Фрийе «Литературная Персия» (“La Perse littéraire”, 1909), где, среди прочего, даны переводы на французский язык 22 фрагментов из «Бустана» и 7 фрагментов из «Гюлистана», в том числе притчи о лисе. На наш взгляд, бунинский парафраз этой притчи лексически и композиционно (за вычетом «пьяного» верблюда) очень близок варианту перевода, предложенного Ж. Фрийе: “Je lui répondis: ‘Mon ami, tu me rappelles l’histoire de ce renard qui courait à perdre haleine;

19 Более развернуто и аргументированно об этом будет сказано в статье о «следе» Саади в поэзии и прозе Бунина.

20 Одна из стилистических особенностей «Гюлистана» заключается в том, что в его текст соединены обычная и рифмованная проза и стихи (последние — главным образом в виде так называемых бейтов, т. е. двустиший).

quelqu'un lui en demanda la raison. C'est, dit-il, que l'on cherche un dromadaire pour le tuer. — Eh bien! as-tu quelque ressemblance avec cet animal que tu as peur qu'on prenne pour lui? — Non, dit-il. Mais si mes ennemis s'avisaient de crier en me désignant: Voici le dromadaire, on finirait par les croire et, quand je serais pris pour un chameau, il me serait impossible de me faire délivrer” («Я ответил ему: “Друг мой, благодаря тебе я вспоминаю историю о той лисе, что бежала сломя голову; из-за чего, спросил ее кто-то. Из-за того, говорит она, что гонятся за верблюдом, чтобы его убить. — Погоди, разве ты чем-нибудь схожа с этим животным, чтобы бояться, что тебя примут за него? — Нет, говорит она. Но если мои враги вздумают кричать, указывая на меня: ‘Вот верблюд’, то кончится тем, что им поверят, и тогда меня уже ничто не спасет»») [49, р. 172]²¹.

«Чекан души»

Еще один случай трансформированной автоцитаты, включающей аллюзию на творчество Саади, наблюдается в бунинском «Письме к Боссару» (1921) и в четырех производных от него текстах.

«Письмо к Боссару», написанное как предисловие к французскому изданию сборника рассказов «Господин из Сан-Франциско» (“Le Monsieur de San-Francisco”, 1921), носит автобиографический характер. Цель этого произведения заключалась в том, чтобы познакомить французскую публику, не имевшую о Бунине ни малейшего представления, с новым для нее русским автором [8, с. 316; 35, с. 499].

В переводе на французский язык «Письмо» было напечатано в сборнике “Le Monsieur de San-Francisco” под заглавием “Lettre de l’auteur à l’éditeur” (Письмо автора к издателю) [47, р. 7–12]²². В том же 1921 г. с русского оригинала-автографа, который при жизни автора не публиковался²³, для парижской газеты «Общее дело» был подготовлен машинописный

21 Подробнее о возможной связи стихотворения «Персидская мудрость» с книгой Ж. Фрийе будет сказано в статье, посвященной «следу» Саади в поэзии и прозе Бунина.

22 Спустя годы этот текст подвергся существенной переработке и в обновленном виде был напечатан как предисловие к французскому изданию бунинской книги «Воспоминания» (“Mémoires”, 1950) [48, р. 7–11].

23 Он хранится в Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (РАЛ, Великобритания). Впервые исходный текст «Письма к Боссару» был опубликован в 1972 г. [30, с. 161–164], затем републиковался в 1995 и 2001 гг. [16; 34, с. 30–33].

вариант, но по неизвестной причине он также остался неопубликованным²⁴. В дальнейшем текст «Письма к Боссару» лег в основу «Автобиографии И.А. Бунина» (1923) [14], первой части уже не раз упоминавшихся нами «Автобиографических заметок» [28, с. 9–12] и предисловия «От автора» к сборнику «Весной, в Иудее. Роза Иерихона» [24, с. 7–9].

Трансформированная автоцитата, о которой было сказано в начале данного раздела, содержится в следующей фразе: «Я стремился “обозреть лицо мира и оставить в нем чекан души своей”, как сказал Саади <...>» (РАЛ. MS 1066/409)²⁵.

То, что у Бунина оформлено как изречение Саади, в действительности было заимствовано писателем не из неназванного произведения персидского поэта, а из собственного рассказа «Тень Птицы» (1907), где среди «выписок» из мифического «Тезкирата Саади» есть и такая: «Как прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы оставить по себе чекан души своей и обозреть красоту мира!» [29, с. 42]²⁶.

Наблюдаемые в приведенных текстах разночтения свидетельствуют только об одном: налицо очередная бунинская мистификация (причем, по существу, «трехуровневая»).

Фразе, которую Бунин в «Тени Птицы» и «Письме к Боссару» приписывает Саади, на самом деле сконструировал он сам, воспользовавшись для этого текстом магистерской диссертации И.Н. Холмогорова, где, как указывалось выше, помимо исследовательской части, содержатся переводы целого ряда отрывков из разных сочинений Саади, а также посвященной поэту главы из книги Девлет-шаха «Тезкират-ошшоара». Непосредственными источниками рассматриваемой фразы стали два следующих фрагмен-

24 Эта машинопись, не имеющая заглавия, хранится в личном фонде редактора-издателя «Общего дела» В.Л. Бурцева в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 151. Л. 4–8).

25 В машинописи для «Общего дела», в «Автобиографии И.А. Бунина» и даже в предисловии к сборнику “Le Monsieur de San-Francisco” эта фраза построена аналогично, причем на французский переведена, по существу, буквально: “Je m’efforçais ‘de dévisager la face du monde et d’y laisser l’empreinte de mon âme’, selon les termes de Saadi <...>” [47, p. 9]; в «Автобиографических заметках» авторская ремарка «как сказал Саади» помещена в начало предложения, сразу после подлежащего-местоимения «Я» [28, с. 10].

26 В 4 томе Полного собрания сочинений Бунина (1915) вся эта фраза выделена курсивом [26, с. 102], а в 1 томе Собрания сочинений (1934–1936) ее фрагменты «оставить по себе чекан души своей» и «обозреть красоту мира» переставлены местами, причем слова «красоту мира» набраны с заглавных букв [28, с. 173].

та: один — из цитируемого в диссертации И.Н. Холмогорова предисловия к «Гюлистану»: «Цель моя — **оставить по себе** памятник (собств. **чекан**, рисунок), потому что существование человека не вечно <...>» [45, с. 3]²⁷; другой — из «Тезкирата»: «Он тридцать лет <...> посвятил на странствование, **обозрев все четыре части обитаемого света** <...>» [45, с. 12].

Заимствованные для «Тени Птицы» части (выделены полужирным) Бунин не только скомпоновал, но и творчески переработал, придав им более художественный вид. Так возник первый, исходный вариант сентенции о «чекане души» и «красоте мира». При написании «Письма к Боссару» Бунин создал второй ее вариант (фактически парафраз), перестроив композицию предложения и заменив «красоту» мира — «лицом». Любопытно, что в творческом наследии писателя оба варианта существовали параллельно — в этом смысле очень показателен I том бунинского Собрания сочинений, выпущенного берлинским издательством «Петрополис»: в нем напечатаны и «Автобиографические заметки» (их первая часть представляет собой трансформированный текст «Письма к Боссару»), и рассказ «Тень Птицы» [28, с. 10, 173].

Заключение

Итак, источники большей части реминисценций из произведений Саади в эпистолярной и публицистике Бунина установлены с весьма высокой степенью вероятности.

Не до конца проясненными остались, пожалуй, только два вопроса: 1) какой (или какие) из переводов «Гюлистана» стал(и) источником(-ами) реминисценции о сокровище и змее, включенной Буниным в письмо к П.А. Нилусу от 3 августа 1910 г. и в очерки «Записи» (1932) и «Автобиографические заметки» (1935); 2) перечитывал ли Бунин произведения Саади после 1917 г., имел ли в своем распоряжении после того, как оказался на чужбине, его книги — или же довольствовался собственными дореволюционными выписками из них, а также из «смежной» — научной, научно-популярной, художественной — литературы. Собранный и проанализированный нами материал не дает на эти вопросы однозначных ответов.

27 Вариант перевода со словом «чекан» И.Н. Холмогоров предлагает только в своей диссертации. В его же переводе 1882 г. этого слова уже нет. Не встречается оно и в переводах других — русских и иностранных — ориенталистов.

Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы при формировании соответствующей источниковой базы и затем — при составлении источниковедческого комментария к нехудожественной части Полного собрания сочинений и писем Бунина, а также в целях литературоведческого и историко-литературного анализа бунинского нехудожественного творчества.

Список литературы

Исследования

- 1 Алиев Р. Саади и его «Гулистан». М.: Знание, 1953. 40 с.
- 2 Бакунцев А.В. «Окаянные дни»: особенности работы И.А. Бунина с фактическим материалом // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 4. С. 22–36.
- 3 Исаев Г.Г. Исламский Восток в творчестве русских писателей Серебряного века. М.; Астрахань: КНОРУС; АГУ; ИД «Астраханский университет», 2016. 208 с.
- 4 Каримириаби Э.М. Мистическое в лирике И.А. Бунина в контексте философской эстетики Востока: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 188 с.
- 5 Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1: 1870–1909. 944 с.
- 6 Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. 696 с.
- 7 Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 2022. Т. 110: И.А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. 992 с.
- 8 Полонский В.В. Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 416 с.
- 9 Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.
- 10 Романова С.К. Рецепция культурных и религиозных реалий Востока в путевых очерках Теофиля Готье «Константинополь» и И.А. Бунина «Тень Птицы» // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 99–102.
- 11 Сафиулина Р.М. Раннее творчество И.А. Бунина и Коран Альбера де Биберштейн-Казимирского // Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология): сб. ст. / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. С. 163–171.
- 12 Таирова И.А. Восточные традиции в творческом восприятии И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 213 с.
- 13 Тартаковский П.И. Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин. Статьи. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1986. 256 с.

Источники

- 14 Автобиография И.А. Бунина // Дни. 1923. 8 апреля. № 133. С. 9.
- 15 Анкета О Чехове // Одесские новости. 1914. 2 июля. № 9398. С. 2–3.
- 16 Бунин И. Письмо к Боссару: (По материалам парижского архива) / публ., вступ. ст. И. Костомаровой // Бежин луг. 1995. № 6 (13). С. 13–16.
- 17 Бунин Ив. Заметки // Южное слово. 1919. 12 (25) ноября. № 71. С. 1.
- 18 Бунин Ив. Записи // Последние новости. 1932. 10 июля. № 4127. С. 2.
- 19 Бунин Ив. О Чехове: Из записной книжки // Русское слово. 1914. 2 июля. № 151. С. 2–3.
- 20 Бунин Ив. Персидская мудрость // Русское слово. 1913. 29 сентября. № 224. С. 4.
- 21 Бунин Ив. Тень Птицы // Земля. М.: Московское книгоизд-во, 1908. Сб. 1. С. 229–272.
- 22 Бунин Ив. Череп: Из «Бустана» Саади // Женское дело. 1912. № 19. 1 октября. С. 6.
- 23 Бунин Ив. Чехов // Последние новости. 1928. 7 июня. № 2633. С. 2–3.
- 24 Бунин И.А. Весной, в Иудее. Роза Иерихона. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 234 с.
- 25 Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 830 с.
- 26 Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1915. Т. 4. 221 с.
- 27 Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.
- 28 Бунин И.А. Собр. соч.: в 11 т. Берлин: Петрополис, 1936. Т. 1. 309 с.
- 29 Бунин И.А. Храм Солнца. Пг.: Книгоизд-во «Жизнь и знание», 1917. 174, 8 с.
- 30 Бунин о себе и своем творчестве / публ. М. Грин // Новый журнал. 1972. № 107. С. 161–170.
- 31 Гюлистан, сочинение Саади / пер. с перс. К. Ламброста. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1862. VIII, 276, 11 с.
- 32 Гюлистан: «Цветник роз»: Творение шейха Саади Ширази / пер. с перс. И. Холмогорова. М.: К.Т. Солдатенков, 1882. 353 с.
- 33 Жуковский В. Могила Фирдоуси: (Из поездки в Хорасан летом 1890 г.). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. 6 с. (Оттиск из «Записок Восточного отделения Императорского Русского археологического общества»).
- 34 И.А. Бунин: pro et contra / сост. Б.В. Аверин, Д. Риникер, К.В. Степанов; коммент. Б.В. Аверин, М.Н. Виролайнен, Д. Риникер; библиогр. Т.М. Двинятиной, А.Я. Лалпидус. СПб.: РХГИ, 2001. 1016 с.
- 35 Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: Критические отзывы, эссе, пародии (1890-е – 1950-е годы): Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. 928 с.

- 36 *Крымский А.* Девлет-шах // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Лито-тип. И.А. Ефрона, 1893. Т. 10. С. 248.
- 37 *Крымский А.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. М.: Тип. Х. Улицкого, 1914–1917. Т. 3. 504 с.
- 38 *Крымский А.* Саади // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Тип. Акц. о-ва «Издательское дело, бывш. Брокгауз-Ефрон», 1899. Т. 28. С. 2–4.
- 39 *Муромцева-Булнина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст., примеч. А.К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. 512 с.
- 40 Предисловие к Гулистану (цветнику) шейха Мюслахуддина Садиа Ширазского / пер. с перс. А. Казембека // Казанский вестник. 1829. Ч. 25. Кн. 1. С. 153–177.
- 41 Розовый кустарник шейха Муслехеддина Саади Ширазского, славный под названием Гулистана / пер. с перс. С. Назарианца. М.: Тип. Лазаревского ин-та вост. яз., 1857. XX, 174 с.
- 42 *Саади.* Гулистан: Розовый сад / пер. с перс. Р. Алиева; пер. стихов А. Старостина; под ред. А. Бертельса и С. Шервинского; подгот. текста, вступ. ст., примеч. Р. Алиева. М.: ГИХЛ, 1957. 324 с.
- 43 *Саади.* Сад плодовый / пер. с перс. Н. Урри. СПб.: Изд. З. Львовского, [1914]. 110 с.
- 44 *Саади Ширазский.* Гулистан: Избранные рассказы / пер. Е. Бертельса, предисл. С.Ф. Ольденбурга. Берлин: Гос. изд-во, 1922. 112, 2 с.
- 45 *Холмогоров И.* Шейх Мослихуддин Саади Ширазский и его значение в истории персидской литературы. Казань: Университетская тип., 1867. 147, 4 с.
- 46 *Чайкин К.* Са’ди // Восток. Сб. 2: Литература Ирана X–XV в. / под ред. А.А. Болотникова, А.Н. Тихонова, К.И. Чайкина. М.; Л.: Academia, 1935. С. 317–320.
- 47 *Bounine I.* Le Monsieur de San-Francisco / trad., avec l’autorisation de l’auteur, par Maurice. Paris: Éditions Bossard, 1921. 343 p.
- 48 *Bounine I.* Mémoires / trad. par H. Bayan. Paris: Calmann-Lévy, 1950. 179 p.
- 49 *Frilley G.* La Perse littéraire / préface de Mirza Abbas Khan Aalamol-Molk; avec une essai sur les études persanes en France par C. Simond. Paris: Louis-Michaud, [1909]. 223 p.
- 50 Gulistan or Rose Garden by Musle-Huddeen sheik Saadi, of Shiraz / trans. from the original by Francis Gladwin, with an essay on Saadi’s life and genius by James Ross, and a preface by R.W. Emerson. Boston: Ticknor and Fields, 1865. XVIII, 379 p.
- 51 Gulistan ou le Parterre-de-fleurs du cheikh Moslih-Eddin Sadi de Chiraz / trad. littéralement sur l’édition autographique du texte publiée en 1828, avec les notes historiques et grammaticales par N. Sémelet. Paris: L’Imprimerie Royale, 1834. 410 p.
- 52 Gulistan ou le Parterre de roses par Sadi / trad. du persan sur les meilleures textes imprimés et manuscrits et accompagné de notes historiques, géographiques et littéraires par Ch. Defrémery. Paris: Librairie de Firmin Didot Frères, Fils et Co., 1858. XLVII, 359 p.

- 53 Le Boustan ou Verger, poème persan de Saadi / trad. pour la première fois en français avec une introduction et des notes par A.C. Barbier de Meynard. Paris: Ernest Leroux, 1880. XXXV, 387 p.
- 54 Moslicheddin Sadi's Rosengarten / nach dem Texte und dem arabischen Commentare Sururi's aus dem Persischen übersetzt mit Anmerkungen und Zugaben von Karl Heinrich Graf. Leipzig: J.A. Brockhaus, 1846. 302 S.
- 55 *Saâdi*. Le Jardin des fruits / trad. du persan par Franz Toussaint. 4me éd. Paris: Mercure de France, 1925. 233 p.
- 56 *Sadi*. Gulistan or Flower Garden / transl., with an essay, by James Ross and a note upon the translator by Charles Sayle. London: Walter Scott, 1890. VIII, 311 p.
- 57 *Schich Sadi*. Persisches Rosenthal nebst Locmans Fabeln / [übersetzt von A. Olearius]. Neue, verbesserte Auflage. Wittenberg und Zerbst: J.G. Schummel, 1775. 358, 34 S.
- 58 The Gulistân of Sâdi with an English translation by Francis Gladwin. Calcutta: The Hindoostanee Press, 1806. 8, 337 p.
- 59 The Gulistân of the Sa'di Shirâzi / prep. and Arrangement by Mohsen Ramizani. Tehran: S. n., S. a. 562, 16 p.
- 60 The Gulistan or Rose Garden of shaikh Muslihu'D-Din Sa'di of Shiraz / trans. from a revised text, with copious notes, and a life of the poet by John T. Platts. London: Wm. II Allen and Co., 1876. XIX, 356 p.
- 61 The Gulistan or Rose-Garden, of sheikh Muslihu'D-Din Sadi of Shiraz / trans. for the first time into prose and verse, with an introductory preface, and a life of the author, from the Atish Kadah by Edward B. Eastwick. Hertfort: Stephen Austin, 1852. XXXII, 311 p.

References

- 1 Aliev, R. *Saadi i ego "Gulistan" [Saadi and His "Gulistan"]*. Moscow, Znanie Publ., 1953. 40 p. (In Russ.)
- 2 Bakuntsev, A.V. "‘Okaiannye dni’: osobennosti raboty I.A. Bunina s fakticheskim materialom" ["‘The Cursed Days’: The Features of I.A. Bunin’s Work with Factual Material"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 10: Zhurnalistika*, no. 4, 2013, pp. 22–36. (In Russ.)
- 3 Isaev, G.G. *Islamskii Vostok v tvorchestve russkikh pisatelei Serebriannogo veka [The Islamic East in the Works of Russian Writers of the Silver Age]*. Moscow, Astrakhan, KNORUS Publ., Astrakhan State University Publ., 2016. 208 p. (In Russ.)
- 4 Karimiriabi, E.M. *Misticheskoe v lirike I.A. Bunina v kontekste filosofskoi estetiki Vostoka [The Mystical in the Lyrics of I.A. Bunin in the Context of Philosophical Aesthetics of the East: PhD Dissertation]*. Kazan, 2015. 188 p. (In Russ.)
- 5 *Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Chronicle of the Life and Work of I.A. Bunin]*, vol. 1: 1870–1909, comp. by S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 944 p. (In Russ.)
- 6 *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 84: Ivan Bunin [Ivan Bunin], book 1. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p. (In Russ.)
- 7 *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 110: I.A. Bunin: Novye materialy i issledovaniia [I.A. Bunin: New Materials and Research], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2022. 992 p. (In Russ.)
- 8 Polonsky, V.V. *Gallo-Rossica: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh svyazei kontsa XVIII – nachala XX veka [Gallo-Rossica: From the History of Russian-French Literary Relations of the Late 18th – Early 20th Century]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 416 p. (In Russ.)
- 9 Ponomarev, E.R. *Preodolevshii modernizm: Tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda [Overcame the Modernism: The Work of I.A. Bunin of the Emigrant Period]*. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 340 p. (In Russ.)
- 10 Romanova, S.K. "Retseptsiia kul’turnykh i religioznykh realii Vostoka v putevykh ocherkakh Teofilia Got’ie ‘Konstantinopol’ i I.A. Bunina ‘Ten’ Ptitsy’." ["The Reception of Cultural and Religious Realities of the East in the Travel Essays of Théophile Gautier ‘Constantinople’ and I.A. Bunin ‘The Shadow of a Bird’."] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 23, no. 3, 2017, pp. 99–102. (In Russ.)
- 11 Safiulina, R.M. "Ranee tvorchestvo I.A. Bunina i Koran Al’bera de Bibershtein-Kazimirskogo" ["Early Work of I.A. Bunin and the Koran of Albert de Biberstein-Kazimirsky"]. Korostelev, O.A., and S.N. Morozov, editors. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiia, istochnikovedenie, tekstologiya): sbornik statei [Creativity of I.A. Bunin in the Historical and Literary Context (Biography, Source Study, Textual Criticism): Collection of Articles]*. Moscow, Litfakt Publ., 2019, pp. 163–171. (In Russ.)

- 12 Tairova, I.A. *Vostochnye traditsii v tvorcheskom vospriiatii I.A. Bunina* [*The Oriental Traditions in the Creative Perception of I.A. Bunin: PhD Dissertation*]. Moscow, 2010. 213 p. (In Russ.)
- 13 Tartakovsky, P.I. *Russkie poety i Vostok: Bunin. Khlebnikov. Esenin: Stat'i* [*Russian Poets and the East: Bunin. Khlebnikov. Yesenin: Articles*]. Tashkent, Izdatel'stvo literatury i iskusstva Publ., 1986. 256 p. (In Russ.)